

На правах рукописи

Шнырёва Оксана Александровна

ФЕНОМЕН «МАСКИ» В СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ
(философский аспект)

Специальность 09.00.11 – социальная философия

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Ижевск - 2005

Работа выполнена в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Удмуртский государственный университет»

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Круткин Виктор Леонидович

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Родионов Борис Анатольевич,
кандидат философских наук, доцент
Якимович Елена Борисовна

Ведущая организация: Ижевская государственная медицинская
академия Министерства здравоохранения
Российской Федерации

Защита состоится « ____ » _____ 2005 г. в ____ часов на
заседании диссертационного совета в Удмуртском государственном
университете по адресу: 426034, г. Ижевск, УдГУ, ул. Университетская, 1,
корп. VI, ауд. 208.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Удмуртского
государственного университета.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских
наук, доцент

О.В. Санникова

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования вытекает из необходимости развития теории коммуникации в рамках разработки проблемы связи человека и общества в социальной философии. В классической парадигме философствования было распространено признание главенствующей роли языка и знака в человеческой рациональности. При этом язык рассматривался в том значении, в каком его понимают лингвистика и основанная на классическом языкознании семиотика. Ведущая роль в процессе познания признавалась за вербальным языком, другие средства человеческой выразительности вытеснялись на обочину философского интереса. Об этом свидетельствует их именование – «невербальные», где отчетливо звучит первичность и приоритетность вербальной коммуникации. Картезианская дихотомия души и тела оправдывала существование коммуникации на уровне рационального сознания. Но в условиях кризиса классического подхода стало ясно, что человек в мире это не только «душа» или «сознание», человек это прежде всего телесное существо. Происходит расширение панорамы коммуникативных средств, включающих все системы воплощенной чувственности человека, складывающейся и влияющей на ход общения. Маска – древнейший феномен, глубоко укорененный в истории культуры, этот феномен представляет интерес не только для истории, но и для социально-философских исследований коммуникации.

Маска – это не только то, что мы видим на лицах участников древних обрядов, она, как особый образ, присутствует в самых разных формах в коммуникативных отношениях, где делается проблемой отношения «своих – чужих», «веры и неверия», «захвата и защиты», «близости и дали». Как и в древности, маска располагается на границе тайны и яви, скрытого и открытого. На современного человека, вовлеченного в процесс массовой коммуникации, обрушивается поток сменяющих друг друга образов, каждый из которых не только предьявляет, но и скрывает (маскирует) реальность.

Коммуникативное поведение выражает себя не только в речевых высказываниях, но и в выразительных манифестациях. Человек предьявлен в коммуникации телесно через нормированную внешность и нормированное поведение, которые часто называют словом «image». Социальные установки лежат в основе дифференциации «правды» лица и «лицемерия» маски, только при их наличии возможно говорить о существовании социального порядка.

Степень разработанности проблемы. Поскольку феномен «маски» – одна из проекций социальной коммуникации, то его определение зависит от общей канвы понимания соотношения вербальных и невербальных аспектов коммуникации. В теории классической рациональности Р. Декарта коммуникация свершается на уровне

рассуждения («разумной души»), в теории коммуникативного разума Ю. Хабермаса роль законодательного разума значительно снижается, коммуникация свершается, когда «встречаются говорящий и слушатель и взаимно выдвигают притязания на то, что их выражения и мир согласуются друг с другом». Коммуникативные средства реализуются в выразительности тела и лица как способе манифестации человека в обществе.

В исследовании феномена коммуникации и ее роли в жизненном мире диссертант опирался на труды представителей феноменологического направления Э. Гуссерля, М. Мерло-Понти, Ж. П. Сартра, А. Шютца, а также В.В. Библихина, Ж. Делёза, Ф. Гваттари, И.С. Кона, Э. Левинаса, Ж. Л. Нанси, В.А. Подороги.

В этих и других исследованиях было показано, что маска перестала быть «накладной личиной», она растворилась в телесной экспрессии и аффективной «лицёвости» (Делёз, Гваттари), в манере поведения и представления себя другим, сохраняя функцию защиты от взглядов других людей. Выявить аналитические основания дифференциации «тела» и «лица» стало возможным благодаря трудам Р. Барта, А. Митрофановой, А.М. Пятигорского, В.В. Савчука, Б.А. Успенского, М. Фазерстоуна, П.А. Флоренского, С. Эйзенштейна.

Пониманию телесности как телесного опыта, переживаемого человеком, способствовали работы О.Н. Бушмакиной, И.М. Быховской, В.Л. Круткина, Д.В. Михеля.

Проблема «тайного» и «явного» в культуре напрямую связана с проблемой понимания. Страсть к «срыванию масок», время от времени захватывающая людей, социально и культурно обусловлена. Визуально предъявленная маска позволяет Другому приблизиться или помогает не допустить Другого в определенную область знания, опыта переживания, выстраивая дистанцию по отношению к нему. В исследовании социальной коммуникации диссертант опирался на труды современных отечественных теоретиков коммуникации: К.С. Богданова, А.Б. Демидова, П.П. Гайденко, В.Б. Кашкина, С.В. Лещева, М.М. Назарова, А.А. Потební, Г.Г. Почепцова, Б.А. Родионова, Ю.В. Рождественского. А также западных теоретиков коммуникации: П. Верильо, М. Маклюэна, С. Уорта.

В рассмотрении сознания диссертант опирается на труды современных отечественных исследователей: О.И. Генисаретского, В.И. Молчанова, Г.А. Нуждина, В.Н. Топорова, Л.Ф. Чертова.

В общении между людьми можно наблюдать намеренное выказывание или утаивание эмоций, информации, фальшь или автоматическое поведение. Это дает повод Ги Дебору говорить о спектаклизации общества. Социологическое рассмотрение социальных значений коммуникации стало возможным благодаря исследованиям П. Бергера, П. Бурдьё, Г. Зиммеля, Т. Лукмана, представителей

символического интеракционизма И. Гоффмана, Дж. Мида, А. Щютца.

Говоря о становлении социального и культурного порядка в структуре социального действия, непосредственно связанного с темой социального нормирования поведения индивида в различные исторические эпохи, диссертант опирался на труды Р. Жирара, Ч.Х. Кули, Т. Парсонса, Н. Элиаса.

Видеть семиотическое пространство культуры как информационную модель мира, а маску как особого рода язык, поддающийся прочтению, стало возможно благодаря трудам Р. Барта, Ж. Деррида, К. Леви-Строса, Ю.М. Лотмана, У. Морриса, Л.В. Уварова, У. Эко.

Невербальные аспекты коммуникации наряду с такими универсалиями культуры, как ритуал, миф, игра, исследовались Ж. Батаем, Я.Э. Голосовкером, Э. Кассирером, Л. Леви-Брюлем, А.Ф. Лосевым, Б.Г. Малиновским, М. Моссом, А.М. Пятигорским, И. Смирновым, Э.Б. Тайлором, В.У. Тэрнером, Д.Д. Фрейзером, О.М. Фрейденберг, М. Элиаде.

Маску сквозь призму аксиологического подхода рассматривали Н.А. Автухович, М. Дуглас, Ф. де Ларошфуко, Л.С. Лихачева, М. Оссовская.

Культурологический подход к исследованию маски опирается на труды философско-эстетической направленности - А. Белого, Я. Мукаржовского, К.А. Свасьяна, П.А. Флоренского («Статьи об искусстве»), В. Шкловского, современных отечественных исследователей А.Ф. Еремеева, Л.А. Закса, театроведов Б. Алперса, Г.Н. Бояджиева, С.Н. Рудницкого, практиков театра и кино А. Арто, Б. Брехта, Е. Вахтангова, В.Э. Мейерхольда, С. Эйзенштейна.

Тема маски напрямую связана с темой идентификации, собственного отражения в глазах Других. Осознание процессов видения, путей созидания собственного образа в своем сознании и сознании Другого, опирается на труды М.М. Бахтина, а также разработанную американскими философами теорию «зеркального эффекта» У. Джеймса, Дж.Г. Мида, Ч. Кули.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования данной работы являются невербальные аспекты социальной коммуникации, где и обнаруживает себя феномен «маски», являющийся **предметом** диссертационного исследования.

Цель и задачи исследования. Целью исследования является раскрытие роли «маски» в социальной коммуникации, исторического многообразия ее видов.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) выделить методологические основания выделения вербальных и невербальных аспектов коммуникации;
- 2) выявить аналитический смысл связи и противопоставления инстанций «тело» – «лицо»;

3) рассмотреть социальную коммуникацию как дискурсивную реальность, где обособляются и противопоставляются «лицо» и «маска»;

4) определить факторы, ведущие к изменению форм визуальной экспрессивности в истории человеческой воплощенности.

Теоретические источники и методологические основания исследования. Методологической основой диссертационного исследования служит феноменологическое направление – традиция, рассматривающая человека в его чувственности и телесности, заметно повлиявшая на ход изучения проблемы человека в социальной философии. Понятия «телесность», «лицо» и «маска» определяются диссертантом через социальные отношения людей, установленные в жизненном мире, который понимается в феноменологии как осознанный – жизнь в актах сознания». Жизненный мир посредством «интерсубъективного опыта» («универсальной социальности, общего пространства всех Я-субъектов», по Гуссерлю) наделяется смыслом в ходе интенциональной жизни людей. Интерсубъективность указывает на внутренне присущую сознанию людей социальность (мир переживается человеком как общий для него и для других), что приводит мысли людей в единое смысловое поле, обеспечивая общность восприятия и понимания мира.

Для решения задач, поставленных в диссертации, важную роль играли положения о взаимозаменяемости точек зрения в процессе коммуникации, о совпадении систем релевантностей. Способность речи и способность видения позволяют человеку конструировать образ мира и Другого в нем. Окружающий индивида мир коммуникативен, поскольку в нем возникают отношения взаимного согласия на уровне сознания. Феноменологическая позиция дает возможность представить «маску» в качестве опыта сознания и переживания индивида.

Научная новизна и основные положения, выносимые на защиту. Основным элементом научной новизны диссертации заключается в исследовании феномена «маски» как знакового средства невербальной сферы общения.

На защиту выносятся следующие положения:

1) в работе показано, что если вербальные аспекты коммуникации связаны с денотативными и сигнификативными функциями коммуникативного сообщения, то невербальные аспекты коммуникации связаны с его манифестативными функциями;

2) пространственная дифференциация человеческой воплощенности на инстанции «тело» – «лицо» в работе рассматривается как результат социального взаимодействия, использующего экспрессивные практики и порядки с целью отображения социальных ролей и статусов индивидов;

3) доказано, что социальный дискурс, образующий единство континуального и дискретного в социальных взаимодействиях, может быть раскрыт через оппозицию «лицо» – «маска», в которой маска является фиксированным пространственным образом изменяющегося лица;

4) обосновано, что факторы, ведущие к изменению форм визуальной экспрессивности (метафоризация маски, появление ее новых видов), связаны с усложнением отношений власти в обществе, его деиерархизацией, с новыми способами проведения социальных и культурных границ.

Теоретическая и практическая значимость результатов. Результаты данной работы углубляют понимание роли невербальных аспектов коммуникации в понимании мира и Другого в нем. Это позволяет исследовать «маску» не только в качестве аспекта культурологического, этнографического или антропологического исследований, но и как социокультурный феномен, раскрывающий новые стороны проблемы человека как одного из важнейших разделов социальной философии.

Материалы и выводы диссертации могут быть использованы для разработки курсов и учебных пособий, посвященных проблемам социальной философии, антропологии, культурологии. Они могут быть положены в основу спецкурсов по разделам «Философия культуры», «Феноменология», «Социальная антропология», «Визуальная антропология».

Апробация результатов. Основные результаты исследования были представлены на Российской научной конференции «Философское сознание в постмарксистском состоянии» (Челябинск, май 1996), Российской научной конференции «Человек – экология – культура» (Челябинск, ноябрь 1997), Российской научной конференции «Диалог культур на пороге XXI века» (Челябинск, декабрь 1998), V Российской университетско-академической научно-практической конференции (Ижевск, апрель 2000), Всероссийской научной конференции «Бренное и вечное» (Великий Новгород, октябрь 2000), Всероссийской научной конференции «Текст – 2000: теория и практика. Междисциплинарные подходы» (Ижевск, апрель 2001), II Международной конференции «Развитие средств массовой коммуникации и проблемы культуры» (Москва, апрель 2001), Всероссийской научно-практической конференции «Периферийность в культуре XX века» (Пермь, 2001), Всероссийской научной конференции «Культура и цивилизация» (Екатеринбург, май 2001), III Международной научной конференции «Человек в современных философских концепциях» (Волгоград, сентябрь 2004).

Ряд положений диссертации обсуждался на занятиях культурологической школы преподавателей ТЕМПУС/ТАСИС (Казань, 2001), Фонда Форда (Москва, 2002; Казань 2002).

Материалы диссертации являются частью коллективных научных проектов конкурса грантов РГНФ «Антропологические основания визуального опыта» (2003–2004 гг.), «Опыт видения в жизненном мире человека» (2005–2006 гг.). Научный руководитель – В.Л. Круткин.

Структура и объем диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, заключения (123 страницы основного текста) и списка литературы (235 названий).

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** раскрывается актуальность темы, определяется степень ее научной разработанности, формулируются цель и соответствующие задачи исследования.

В **главе 1 «Визуальные аспекты социальной коммуникации»** рассматриваются невербальные аспекты социальной коммуникации в их манифестирующей функции и делается попытка осмысления и разделения категорий «тело» и «лицо». **Параграф 1 главы 1 «Вербальное и невербальное в коммуникации»** посвящен рассмотрению социальной коммуникации в единстве вербальных и невербальных аспектов. Вербальные аспекты коммуникации выполняют денотативные (функции обозначения) и сигнификативные функции (устанавливающие связь произнесенного слова с универсальными общепринятыми понятиями). Невербальные аспекты коммуникации выполняют преимущественно манифестативные функции – функции выражения желаний и верований индивида. В манифестации личность «выказывает» себя – это проявляется в интонациях речи, позах, выражении лица, взгляде, мимике. Невербальные аспекты коммуникации выражают веру и желания, манифестируя человеческую субъективность. Манифестация человека является частью общественно доступного институционального комплекса. Участвуя в социальном взаимодействии, люди берут на себя обязательство по его поддержанию. Индивидом в каждой ситуации (например, при исполнении ролевой позиции) создается (фиксируется) устойчивый образ себя, предлагаемый в данном фрейме общественной жизни. Каждый, поступаясь непосредственными чувствами и реакциями, будет придерживаться того видения ситуации, которое хотя бы временно окажется приемлемым не только для него, но и для остальных.

Желания и верования выстраивают модель ожидаемого от индивида поведения, которое непосредственно связано с социальными ролями и статусами, которые он исполняет. Вербальные и невербальные аспекты коммуникации не только выражают форму и содержание культурной традиции, но и являются способом символизации общей социальной деятельности, реализуя функцию символического регулятора социальных связей и связанных с ними поведенческих тактик.

Вербальные и невербальные аспекты коммуникации образуют разные стороны ее дискурсивности. Будучи стереотипно воспроизводимыми, речевые и неречевые аспекты коммуникации служат действиями, поддерживающими трансляцию санкционированного коллективного опыта. Влияние специфических кодов превращает окружающий мир в матрицу значений. Личность согласует свое поведение с системой значений, в результате чего организуется опыт переживаний и устанавливается социальная тождественность индивида. Индивид предьявляет себя обществу как представитель определенной социальной группы.

Перформативный характер коммуникации позволяет рассматривать индивида в терминах власти, где власть понимается как «власть языка» (Р. Барт) или власть социальных дискурсов. Индивид является зависимым от знаковых систем, которые существуют еще до его рождения. Условием включения индивида в социальную реальность является вхождение субъекта в социальный дискурс. Социальные дискурсы посредством используемого в коммуникации характерного набора знаков, задают границы манифестации индивида. Другой как адресат коммуникации, маркирует индивида, классифицируя его поведение и внешность. Социальные дискурсы являются для индивида социальным зеркалом, отражающим его место в социальной реальности. Индивид обнаруживает себя включенным в социальную реальность не непосредственно, а через множество связей, существующих между различными полями социальных дискурсов.

Визуальные аспекты сообщения проявляют себя как в массовой коммуникации, опосредованной через социальные институты, так и в межличностной (общение Я-Другой, Я-Я – автокоммуникация). В результате общения Я-Другой формируется единое коммуникативное пространство – пространство пересечения вербального и невербального, молвного и безмолвного. Образ как продукт воображения Другого, имеет своим основанием сигналы, данные Другому через зрительное восприятие. Эти сигналы образуют единство дискретного и континуального. В соответствии с ними выстраивается определенная модель ожидаемого от индивида поведения. Если оно не соответствует ожиданиям, то его поведение будет квалифицировано как демонстративное, лишённое искренности, лживое. Именно с такими характеристиками обычно связывают эффект «маски». В процессе коммуникации и автокоммуникации люди сталкиваются с тайной, глядя на себя глазами Другого и оценивая себя с позиции Другого.

Образ зеркала является доминирующим в западно-европейской культуре: зеркало как отражение, самоотражение, как саморефлексия. Е. Барабанов в своих исследованиях прибегает к метафоре зеркала и окна для обозначения оптико-визуальных кодов культуры. Западная культура

характеризуется метафорой зеркала как способности посредством отражения обнаруживать не только невидимое для глаз зрителей, но и создавать другую реальность по отношению к прямому визуальному пониманию. В западно-европейской культуре зеркало и его «отражательная способность» обозначали уникальную возможность преодоления оптической ограниченности человеческого глаза, позволяя показать невидимое.

В русской культуре метафора зеркала находится на периферии: в русской словесной традиции «зеркало» родственно словам «зреть», «зоркий», «зрак» – лицо, изображение, образ, зрачок. В художественной и православной русской литературе образ зеркала выступает в качестве «магического окна» в потустороннюю действительность. Главным является образ окна: через него сияет свет божественный и свет истины. Иконописец в русской традиции является не мастером, создавшим полотно и изобразившим запредельное, а тем, кто приоткрыл завесу тайны (открыл окно).

В параграфе 2 главы 1 «Инстанции "тело" и "лицо" в коммуникативных отношениях» осуществляется дифференциация человеческой воплощенности на пространственные инстанции «тело» – «лицо». Это деление рассматривается в работе как результат социального взаимодействия, использующего экспрессивные практики и порядки с целью отображения социальных ролей и статусов индивидов.

Экспрессивное поведение индивида осуществляется через пространственные манифестации, – человек предьявляет себя обществу телесно. Индивид открыт взгляду Другого. Тело генерирует спонтанные сообщения, являясь источником невербальной экспрессии и феноменом выражения. На уровне выражения телесность, проявляющаяся в жестах, мимике, обретает определенные значения, восходящие к ожиданиям Другого. Именно он признает существование индивида своим отношением, которое может быть окрашено в различные эмоциональные тона: жалость, ненависть, понимание. Свои чувства люди проявляют для Других, – они являются сообщением, предназначенным для Другого. Бытие индивида становится определенным благодаря существованию Других: с их точки зрения человек «выглядит» красивым или некрасивым, «слывет» умным или глупым, добрым или злым. Благодаря оценкам и отношению со стороны Других, человек наделяется социальными характеристиками, с которыми он соглашается или не соглашается.

Биологическое тело исчезает в социальном письме. Экспрессивные практики являются зафиксированными в жизненном мире посредством социорольевых порядков. Они принуждают индивида внешне соответствовать «должному образу» (как должна выглядеть невеста, выпускник школы, судья). Телесные экспрессии поставляют материал, – одежда, грим, украшения, интонации голоса, характерная мимика, позы и

жесты, – все они являются механизмом модификации тела, превращая его в искусственный знак. Обмены этими знаками являются частью социального порядка. Тело, данное от природы, выстраивается в соответствии с требованиями и нормами общества. Так, затянутое корсетом тело Нового времени преобразовалось в «накаченное» и сформированное с помощью белковой продукции тело современности.

Границы тела человека определяет кожа, отделяющая внутреннее (психическое) состояние тела от внешней среды. Ж.Л. Нанси говорит о том, что полный смысл понятию тела придает понятие кожи. Кожа находится в постоянном ожидании, что ее коснутся. Кожу как некий покров, защитную высокочувствительную оболочку нельзя превзойти внешним воздействием. Она, являясь физиологически вибрирующей поверхностью тела, постоянно меняет свою линию натяжений, консистенцию, толщину. Кожа – это граница между реальным и виртуальным, профанным и сакральным, явным и тайным, поверхностным и глубинным. В единстве этих состояний создается некая телесная схема – единая психическая форма внутреннего и внешнего представления тела.

Развитие коммуникативных отношений приводит к телесным метаморфозам, обособлению «лица» как места расположения социально значимых ожиданий. Лицо – смесь субъективного и объективного, естественного и искусственного. Пределами лица являются лик – явление духовной сущности, вечного смысла, и личина, первоначальным значением которого является маска (larva) – то, что похоже на лицо и принимается другими как таковое, но внутренне пустое в смысле физической вещественности и метафизической субстанциональности. Это по-своему подтверждается исследованиями чести как социального явления (В.В. Савчук). Пределами лица выступают лик и личина: «лик святого» и «маска актера». От лика лицу достается авторитет, сила которого всегда отчасти принадлежит тому, кто от его имени выступает, а значит, человек несет ответственность за поддержание формы своего лица («Не упасть лицом в грязь», «Не потерять лица»). Лицо в истории культуры обособляется в отдельную реальность вместе с эволюцией представлений о чести.

Глава 2 «Лицо и маска в жизненном мире человека» посвящена выявлению факторов, приводящих к видоизменению маски и процессу ее метафоризации в современном мире.

В параграфе 1 главы 2 «Континуальное и дискретное в коммуникативных отношениях» доказывается, что социальный дискурс, образующий единство дискретного и континуального, в социальных взаимодействиях может быть раскрыт через оппозицию «лицо» – «маска». Маска – фиксированный образ постоянно изменяющегося лица, предъявляемого Другому в процессе социальной коммуникации.

Лицо возникает там, где есть внимание, интерес, забота или, напротив, неприятие Другого. Лицо взывает к завоеванию пространства. Лицо как социальное тело выстраивает границы социального и индивидуального, границы норм в жизненном мире человека. Лицо человека выступает в социальном пространстве, расширяя границы индивидуального влияния. Лицо живет через взгляд, желает захвата Другого. Взгляд находится в постоянном поиске объекта желания. Взгляд и видение переходит в ведение-знание и ведание-обладание. Взгляд обладает силой захвата.

Лицо как экспрессивная телесность непостоянно в своих мимических отражениях и проявлениях, которые непрерывно меняются: грусть, вдохновение, радость, обида. Лицо живет на поверхности во множестве проявлений, реакций и образов. Полная явленность лица не дается Другому. Другой все время всматривается в лицо, открывая для себя нечто новое, при этом загадка и таинственность остаются в процессе самой игры захвата и защиты.

Механизмом фиксации постоянного образа, предъявляемого Другому в процессе коммуникации, служит маска. Ее можно сравнить со щитом, устанавливаемой границей, дистанцией, не допускающей к себе Другого. Маска – механизм защиты уязвимого, открытого и изменяющегося лица. Маска останавливает бесконечный процесс эмоциональных изменений, запечатлевая постоянно свершающиеся изменения самого Я человека подобно тому, как раз и навсегда зафиксированный в бесконечных повторениях ритуал является образом, стабилизирующим постоянно изменяющееся внешнее поведение человека и коллектива. Если лицо живет в континуальном экспрессивном потоке, то маска как образ останавливает поток в каком-то одном дискретном проявлении.

Маска – древнейшее изобретение в ряду коммуникационных техник, она связана с лицом и одновременно отличается от него. Сплошь и рядом маску противопоставляют лицу как ложь, лицемерие – правде, искренности. Часто доверие лицу вдруг сменяется его дискредитацией, происходит объявление прежнего «вполне лица» – «коварной маской». Значит маска – это не просто то, что принадлежит и находится в распоряжении одного человека. Это то, что зависит от позиции Другого. Он, Другой, квалифицирует какие-то моменты (интонацию, манеры, стиль) в качестве ложных, и тогда Я оказывается с позиции его представлений в маске. Маска адресуется к доверию Другого, но получает отказ. В результате встречи Я и Другого формируется единое коммуникационное пространство – пространство пересечения вербального и невербального, молвного и безмолвного.

Маска – фиксированный образ Я другого человека. Если лицо – образ человека, то маска – образ лица (образ образа). В основе её

проявления лежат установки и ожидания Другого. Другой конструирует образ и выстраивает соответствующие образу ожидания от индивида в жизненном мире. Если по ряду причин эти ожидания не сбываются, то именно Другой квалифицирует лицо индивида как маску, т. е. не как правду, но как ложь, со всеми моральными следствиями.

В параграфе 2 главы 2 «Социальные нормы и визуальная экспрессивность в коммуникации» формулируются факторы, ведущие к изменению форм визуальной экспрессивности и появлению ее новых видов. Такими факторами являются усложнение отношений власти в обществе, социальная иерархизация и деиерархизация, новые способы проведения в обществе социальных и культурных границ.

История человечества начинается с осознания непохожего и непредсказуемого Другого. Страх перед захватом со стороны Другого довлел над человеческим миром, ввергая человека в опасения быть поверженным. Отсюда берет начало вся человеческая аффекторика. Л. Леви-Брюль, рассуждая о первобытных коллективных представлениях, приводит в пример признание эскимосского шамана Ауа Книду Расмуссену: «Мы не верим, мы боимся».

У захвата древнее лицо», – пишет В. Биbihин. Видя в Другом соперника, первобытный человек и природу наделяет антропоморфными деятельностными характеристиками, обращаясь к ней как к Другому. Овладение территорией можно назвать ритуальным воспроизведением: «наше» значит «сотворенное» заново. Тело человека в древности сравнивали с микрокосмом, его нужно было освятить, то есть освоить. Поэтому древний человек окрашивал свое тело в цвет зверя-тотема, подводил глаза, брови, подпиливал зубы, выводил на теле изображения тотемных животных, делал черточки и пятна, татуировался, красился кровью, ягодами и глиной, умащался жиром и покрывал себя пухом и перьями, шкурами зверей – всем тем, что делало из него человека-птицу, человека-зверя или человека-степь. Происходило его первое преобразование.

Маска первоначально является атрибутом ритуальных церемоний, повторяющих и воссоздающих мифологический опыт. Маска – герой визуального предъявления, связанного с тайной. Священное является тайным, так как остается бесконечно непостижимым. Маска ритуальна, она манифестирует себя, обращаясь не просто к Другому, а к богам (сакральным силам), и закрывает индивида в ней не просто от Другого, а от злых сил. Архаическая маска наделяла человека магической силой, которая позволяла участвовать в процессе воссоздания священного. Маска – способ сакрализации, в ней человек предстоит Вечности, когда она возвращается. Выделение лица в качестве социально предписанного топоса для древнего человека не было характерно, поэтому экспрессивной выразительностью наделялось все тело. Человек в маске воспринимался

как Другой, оказываясь в маске, он присваивал себе коллективное лицо (это не индивид, а коллектив взывает к богам, это не индивид, а коллектив производит жертвоприношение).

В Новое время ритуализация поведения человека отнюдь не ослабевает. Маска становится манерой поведения и новой формой самосознания. Люди начинают разделять реальность на общественно данную (где нужно вести себя как подобает, как заведено этикетом и регламентом) и индивидуальную. Регламентация поведения индивидов, как новая форма социального маркирования, рафинировала манеры поведения, требуя от людей их исполнения. Со сменой социальной обстановки власть церкви переходит ко Двору и становится светской. Она по-прежнему нуждается в механизмах регулирования поведения человека, дисциплинирования и принуждения. Меняется прежнее отношение: мир оказывается погрязшим не во грехе, а во лжи (религиозный вокабуляр меняется на светский). Ложь заполняет мир, переполняет человека. От нее, как от греха, нужно уходить, но признавать её существование необходимо (как ранее человеку было необходимо признавать существование высшей божественной инстанции).

С такой точки зрения, мир и человек предстают под маской ложных обличий. Признание окружающего мира в качестве искусственного и лицемерного побуждает Ларошфуко использовать понятие «маски» с позиции моралиста. Оценочный подход к изучению феномена «маски» оппозиционирует позитивное и негативное, светлое и темное, истинное и ложное. С такой точки зрения, условно «сорвать» маску с лица человека возможно, как возможно узреть и настоящее (истинное) в нем. Оценочные суждения истины/лжи, правды/неправды наделяют маску того времени негативными качествами.

Согласование и исполнение нескольких ролей вызвало у человека необходимость взаимокорреляции внешнего принуждения и самоконтроля, что способствовало становлению его самосознания. Человек начинает видеть в себе наблюдателя и наблюдаемого (актера и зрителя), определяя себя в качестве объекта (Я в центре внимания других) и субъекта (Я сам исследую и заставляю других подыгрывать ситуации). Объективно данное Я подчиняется требованиям этикета, общества, выступая марионеткой в сценарии куртуазной культуры. Субъективно данное Я может иметь отличную от поведенческих установок точку зрения. Мифологизация области призрачной свободы, в которой Я независимо, давало человеку Нового времени основание говорить, что маска скрывает истинное лицо, маска, как артефакт, является условным языком, скрывающим истинное знание о мире. Мотив маски раскрывается в творчестве Ф. де Ларошфуко через такие сравнения, как «напустить вид», «надеть личину», «утаить», «фальшь», «уловка», связанных между собой негативным контекстом.

Маски в современном мире – это все те же преобразования человеческой телесности. Модифицированное тело современного человека, подвергается преобразованию с помощью технических средств. Тело демонстрируется в огромных количествах изображений, его подвергают татуированию, обрезанию, скарификации, протезированию, наращиванию объемов. Его изменяют с помощью химических препаратов, хирургического вмешательства, гимнастики, бодибилдинга, анорексии, диет и голоданий. И дело не только в том, что постиндустриальное общество всеобщего потребления часто находится в состоянии непрерывного карнавала. Исследователи говорят о том, что рано или поздно многие профессиональные сферы деятельности потребуют изменений человеческого тела. Возможное повсеместное внедрение в повседневную жизнь человека самоуправляемых транспортных средств, систем мультимедиа, компьютеров будет способствовать формированию нового человеческого тела со встроенными системами, заменяющими и активизирующими функции внутренних органов, поверхностей тела, органов восприятия.

В. Беньямин описывает современное общество как потребляющее зрелища и материальные блага. Метафора «спектакля» акцентирует внимание на визуальном аспекте коммуникации между людьми. Современное общество по своей сущности является зрительским. Символом нового порядка становится экран. Современный человек оказывается включенным в движущийся и непрестанно меняющийся поток визуальной информации, быстрый темп жизни, множество исполняемых в обществе социальных ролей.

Интенсивный поиск новых форм, способных преодолеть границы национальных и этнических традиций, приводит к появлению универсального языка коммуникации. Речевые средства общения обнаруживают при этом очевидные ограничения. Визуальные образы – напротив, преимущества, поэтому кинематограф, телевидение стали выступать движущей коммуникационной силой. В такой ситуации закономерно появление культуры перформанса – результата не столько сближения культурных практик и форм, сколько поиска зрелища, находящегося вне языковых барьеров, поскольку современный мир поликультурален, полирелигиозен и полиэтничен.

Характеризуя современную ситуацию, можно говорить о процессах распада Я на множественность масок. У Делёза есть понятие «Себя» (soi), употребляющееся во множественном числе, напоминающее маски, которые человек примеряет к себе. Отсюда возникает перспектива, что за маской же мы не обнаруживаем лица, маски скрывают лишь другие маски. Современный человек является включенным во множественные дискурсивные поля, и каждое из них предполагает применение характерных знаковых средств.

Процессы усложнения отношений власти в обществе, деиерархизации, урбанизации, новые способы проведения в обществе социальных и культурных границ, отход от традиционно понимаемой этничности приводят к тому, что маска из достаточно локального аспекта межличностной коммуникации превращается в феномен массовой социальной коммуникации. Происходит расширение поля того, что именовалось маской, мы сталкиваемся с ее метафоризацией. Из мира экстраординарного она перешла в область повседневного и в область виртуального, являясь условием включения индивида в определенный социальный дискурс, являясь знаковым средством невербальной сферы общения.

В Заключении формулируются основные выводы исследования, определяется его теоретическая и практическая значимость, а также намечаются перспективы дальнейшей разработки тематики, связанной с маской и ролью экспрессивных манифестаций в социальной коммуникации.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

1. Ломаева О.А. Взаимосвязь философии и искусства в воспитании человека// Философское сознание в постмарксистском состоянии: Тез. Докл. Рос. науч. конф. Челябинск: Челябинский государственный институт искусства и культуры, 1996. С. 188 – 190.
2. Ломаева О.А. Возможности художественной культуры в разрешении современной кризисной ситуации// Человек – экология – культура: Тез. докл. Рос. науч. конф. Челябинск: Челябинский государственный институт искусства и культуры, 1997. Ч. 2 С. 123 – 126.
3. Ломаева О.А. Поликультурализм конца XX века // Диалог культур на пороге XXI века: Тез. докл. Рос. науч. конф. Челябинск: Челябинский государственный институт искусства и культуры, 1998. Т. 2. С. 97 – 99.
4. Шнырёва О.А. Человек – маска – участник коммуникационного процесса// Тез. докл. V Рос. университетско-академической науч.-практ. конф. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2001. Ч. 2. С. 135 – 136.
5. Шнырёва О.А. Перформансы концептуализма// Проблемы функционирования и развития культуры: Тез. докл. и выступ. Всерос. науч. конф. Великий Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2000. С. 73.
6. Шнырёва О.А. Искусство пантомимы как художественный текст// Текст – 2000: теория и практика. Междисциплинарные подходы: Тез. докл. Всерос. науч. конф. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2001. С. 56 – 57.

7. Шнырёва О.А. Маска как объемно-пространственное средство массовой коммуникации// Развитие средств массовой коммуникации и проблемы культуры: Матер. II междунар. конф. М.: Новый гуманитарный университет Натальи Нестеровой, 2001. С. 453 – 459.
8. Шнырёва О.А. Маски моды постмодернизма.//Периферийность в культуре XX века: Матер. Всерос. науч.-практ. конф. Пермь: Пермский государственный университет, 2001. С. 78 – 80.
9. Шнырёва О.А. Человек-маска – созданное культурой средство коммуникации// Культура и цивилизация: Матер. Всерос. науч. конф./Уральское отделение философского общества РФ. Екатеринбург, 2001.Ч.1. С. 207 –209.
10. Шнырёва О.А. Феномен маски в социальном мире// Вестник Удмуртского университета. Серия «Социология и философия». 2003. С. 205– 210.
11. Шнырёва О.А. Исторические трансформации «человека видимого»: маска в архаической культуре// Человек и социум: взаимодействие: Сб. науч. ст./ Удмуртский госуниверситет: Институт человека. 2004. С. 34 – 38.
12. Шнырёва О.А. Коммуникативное действование и жизненный мир в критической философии Ю. Хабермаса// Человек в современных философских концепциях: Матер. III Междунар. Науч. конф.. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2004. Т.2. С. 143 – 148.

Отпечатано в авторской редакции с оригинал-макета заказчика

Подписано в печать
Тираж 100 экземпляров. Заказ № 636.

Типография Удмуртского государственного университета,
426034, Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 4.